

Revue mensuelle

Fevrier 1930

LE MESSENGER

ВѢСТНИКЪ

РУССКАГО СТУДЕНЧЕСКАГО
ХРИСТИАНСКАГО ДВИЖЕНІЯ

II — ФЕВРАЛЬ — 1930

ПАРИЖЪ

5-й годъ изданія.

Цѣна номера 3 фр.

Смердяковщина.

— Своимъ умомъ дошелъ? —
криво усмѣхнулся Иванъ.

— Въ ~~руководствѣ~~ руководствомъ-съ.
— Вы убили, Вы главный убий-
вецъ и есть, я только вашимъ
приспѣшникомъ былъ, слугой
Личардой вѣрнымъ, и по слову
вашему дѣло это и совершилъ.
«Братья Карамазовы».

Смердяковщина — характерная черта
нашей современности, но нигдѣ въ мірѣ
не расцвѣла она такимъ махровымъ цвѣ-
томъ, какъ въ безудержной Россіи.

Въ чемъ заключается суть этого явле-
нія, прототипомъ коего является без-
смертный лакей изъ «Братьевъ Карамazo-
выхъ»?

По землѣ проходятъ люди съ истерзан-
нымъ сердцемъ и горящимъ духомъ, люди
далекіе буднямъ земли, вѣчно ищущіе по-
слѣдней правды, абсолютнаго, неопровер-
жимаго.

Это не тепленькіе, но горячіе или хо-
лодные — всегда идущіе надъ бездной,
всегда готовые ринуться въ нее, всегда
въ крайностяхъ.

Это творцы великихъ учений, часто борцы съ Богомъ, но всегда близкіе Богу и мучимые Имъ.

Это родъ Ивана Карамазова, утверждающаго идею челоѣкобога:

«Челоѣкъ возвеличивается духомъ божеской, титанической гордости и явится челоѣкобогъ. Ежечасно побѣждая уже безъ границъ природу, волею своею и наукой, челоѣкъ тѣмъ самымъ ежечасно будетъ ощущать наслажденіе столь высокое, что оно замѣнитъ ему всѣ прежнія упованія наслажденій небесныхъ».

Но изъ этого же рода людей — и великіе праведники, аскеты, религіозные провидцы, самъ Достоевскій. Люди, отмѣченные печатью страданій и сомнѣній, рѣдкіе гости на землѣ, они вызываютъ сильныя броженія среди миллионовъ людей, находятъ всегда послѣдователей и враговъ. Часто послѣдніе пронизаны еще ихъ горящимъ духомъ, благородствомъ ихъ страданія, но больше и чаще кружатся въ пустошьяхъ вокругъ ихъ учений — Смердяковы. Смердяковы всегда, во всѣ времена существовали, но иногда нѣкоторыя историческія эпохи были особенно сильно поражены этими паразитами челоѣческаго духа, могущими существовать только за счетъ великихъ духомъ. Подобно саранчѣ множатся они и уничтожаютъ зеленые луга долголѣтней культуры. Жизнь начинаетъ смердѣть, хирѣть, гибнуть. Горе, если люди не соединятся свое временно въ борьбѣ съ этой болѣзью. Тогда произойдетъ страшное: искусство станетъ украшеніемъ клоакъ, культура — торговой фирмой, и у власти станутъ лакеи...

Господа, присмотритесь къ современной жизни, взгляните внимательнѣе на бытъ совѣтской Россіи. Не надо быть особенно дальнозоркимъ, чтобы увидѣть, какъ на тѣлѣ Россіи копошатся миллионы этихъ смердящихъ бациллъ. Весь міръ зараженъ

сейчасъ этой бациллою, но сильнѣе всѣхъ — Россія.

Смердяковы — это тѣ, кто во что бы то ни стало хотятъ хамски упростить жизнь, засылавъ глубины духа; тѣ, кто ненавидятъ духъ челоѣка страшной звѣриной ненавистью; кто никогда ничего не созидаютъ, но всегда разрушаютъ созданное не ими.

Ирраціональное, глубинное Смердяковы понимаютъ своимъ куринымъ умомъ всегда, какъ земное, сѣрое, будничное...

— Чѣмъ я могъ вселить въ твою подлую душу такое низкое для меня подозрѣніе? (желаніе убить своего отца) — спрашиваетъ съ мукой Иванъ Федоровичъ лакея-убійцу Смердякова.

— Какъ это такъ?.. А наслѣдство-то-съ? — ядовито и какъ-то даже отомстительно подхватилъ Смердяковъ. — Вѣдь вамъ тогда послѣ родителя вашего на каждого изъ трехъ братьевъ безъ малаго по сорока тысячъ могло придтись.

— Стало быть, я, по твоему, брата Дмитрія къ тому и предназначалъ? — (къ убійству отца). — Какъ же вамъ на нихъ не рассчитывать было; вѣдь убей они, то тогда чиновъ и имущества лишатся и въ ссылку пойдутъ-съ. Такъ вѣдь тогда ихняя часть-съ послѣ родителя вамъ съ братьями Алексѣемъ Федоровичемъ останется. Это вы на Дмитрія Федоровича безпремѣнно тогда рассчитывали...

Вотъ въ чемъ сущность смердяковщины, вотъ гдѣ трагедія великихъ духа.

Иванъ Карамазовъ ведетъ страшную борьбу съ Богомъ, онъ на грани безумія, а лакей Смердяковъ въ безумномъ бредѣ возстающаго на Бога челоѣка слышитъ свое — все дозволено. Курица умѣетъ считать до четырехъ. Дальше идеала комфортной жизни въ европейскихъ понятіяхъ Смердяковъ не идетъ: не хватаетъ его куриного сознанія. Въ искусствѣ онъ видитъ лишь «выдумку», оно скучно.

Его желтая скопическая голова съ при-

лизанными волосаками, съ куринымъ умомъ не способна воспринять глубже вѣчное. Гдѣ-то высокій заборъ, черезъ который ему не перепрыгнуть, а за этимъ заборомъ то и начинается жизнь. Его «человѣческое» хочетъ проникнуть туда, черезъ этотъ заборъ, но ему положень запретъ — отсюда его безысходность, страшная, пыльная, сѣрая скука, желтое, скопческое лицо.

Смердякову непонятны честь и жертва, любовь и подвигъ.

Смердяковъ не любитъ Россіи, ему чужда русская стихія, но плѣняетъ его скудоумное воображеніе комфортабельная и цивилизованная жизнь Европы. Встрѣчаясь на каждомъ шагу съ темнымъ и непонятнымъ, Смердяковъ воспринимаетъ это по своему, собираетъ изъ вселенной коллекцію марокъ...

Большевицкая революція, во главѣ которой стали лакеи-Смердяковы, способствовала чрезвычайному быстрому размноженію Смердяковыхъ. Польша Россіи сейчасъ поражено смердящимъ духомъ ихъ страшной разрушительной работы.

Вся «борьба съ Богомъ», «штурмъ небесъ», вся работа безбожниковъ ведется Смердяковыми. Посмотрите, господа, присмотритесь. Гдѣ была грозная рѣчи, гдѣ страдающая, мучимая Богомъ душа? Развѣ всѣ эти Кобецкіе, Лебедевы, Сарабьяновы, Емели Ярославскіе и имъ подобные, развѣ это вдохновенные борцы съ небомъ, горяшіе пѣвцы человѣческаго самоволія?

Нѣтъ, нѣтъ... Это слѣпые Смердяковы, трусливые и жадные, родившіеся въ клоакахъ человѣческихъ. Это они по своему, своимъ куринымъ умомъ поняли страданія, гордый вызовъ Богу Байрона, Шелли, Ницше, самаго Достоевскаго. Это смерды и не штурмуютъ небесъ они, а лишь практически устрояютъ жизнь по «образцамъ европейскимъ».

«Только больные, ненормальные люди могутъ упорно твердить, что имъ было

«видѣніе», или что они слышали «голоса». И только гнусные лицемѣры и отвратительные обманщики — попы — используютъ боѣзненное и ненормальное состояніе людей для распространенія религіознаго дурмана въ интересахъ эксплуататоровъ», — вотъ что пишетъ одинъ изъ этихъ «смердящихъ» — д-р. Брукъ, своимъ докторскимъ титуломъ подкрѣпляя авторитетность сказаннаго.

А Моисей, Сократъ, Гоголь, Врубель, Беато-Анджелико, св. Серафимъ Саровскій, все мировое искусство, музыка, живопись, поэзія?

Развѣ не на откровеніяхъ созидалась культура? Но для д-ра Брука всѣ вожди человѣчества больные, ненормальные и... «гнусные лицемѣры».

А вотъ другой Смердяковъ — докторъ Либерфарбъ. Онъ написалъ статью: «Наука о душѣ». Наука, видите ли, пересаживая нѣкоторые органы съ одного пола на другой, установила, что тѣмъ самымъ и животное, которому пересаживали эти органы, становилось особью другого пола. Впрыскивая подъ кожу животнаго нѣкоторые растворы, ученые добивались того, что характеръ животнаго мѣнялся (отъ желчи человѣкъ становится злымъ). Дальше докторъ Либерфарбъ сообщаетъ намъ о томъ, какъ запоры и разстройство желудка вліяютъ на психику человѣка и, наконецъ, рассказываетъ объ опытахъ д-ра Воронова надъ омоложеніемъ. Какіе же выводы? А вотъ: «значить и людей можно было бы превращать изъ женщинъ въ мужчинъ и наоборотъ и мѣнять не только тѣло, но и психику, «душевный складъ». Но что же представляетъ собою въ такомъ случаѣ душа? Что это за духъ, который связанъ то съ щитовидной железой, то съ половыми органами и т.п.» «Не проще ли объясняются всѣ явленія, если забыть о душѣ и помнить только о тѣлѣ? Сказка о душѣ нужна была для того, чтобы отвлечь вниманіе трудящихся отъ мыс-

ли и заботы о своемъ тѣлѣ», — вотъ вы-
водъ доктора Либерфарба, заключитель-
ное слово Смердякова.

Да, проще объясняются всѣ явленія, ес-
ли забыть о душѣ, да, только жизнь и ея
явленія не просты, совсѣмъ не просты, а
вотъ упрощать все — это чисто смердя-
ковское. Въ курица умѣетъ считать
только до четырехъ. А Смердяковы даль-
ше половыхъ органовъ, щитовидной желе-
зы и печени не видятъ, не умѣютъ ви-
дѣть. «Безъ души легче жить и спокой-
нѣе, чѣмъ съ душой — таково разсужде-
ніе Смердяковыхъ. «Вѣра въ загробную
жизнь это удѣлъ дикарей, не имѣющихъ
правильнаго научнаго представленія о че-
ловѣческомъ организмѣ и въ частности
объ актѣ смерти» — говоритъ Логиновъ.
Каково же это научное представленіе объ
актѣ смерти и человѣческомъ организмѣ?
Вотъ: «Въ Евангеліи говорится, что
Христосъ воскрешалъ людей. А у насъ въ
Ленинградѣ проф. Оппель это дѣлаетъ.
Человѣкъ лежалъ на операционномъ сто-
лѣ и умеръ: остановилось сердце и въ те-
ченіе 13 минутъ не работало. Человѣкъ не
дышалъ, былъ мертвъ. Проф. Оппель мас-
сировалъ сердце, оно заработало, чело-
вѣкъ «воскресъ изъ мертвыхъ», онъ
всталъ и началъ ходить. Вотъ вамъ вос-
кресеніе изъ мертвыхъ безбожными мѣра-
ми». Это сообщеніе помѣстилъ «Безбож-
никъ у станка». Со смердяковщиной нель-
зя бороться, опровергая ея утвержденія;
чтобы уничтожить ее, необходимо найти
ея источники, корни, и здѣсь начать борь-
бу.

Для смердяковыхъ «искусство должно
регулироваться политпросвѣтомъ». «Къ
проявленіямъ поповщины въ нашей лите-
ратурѣ и искусствѣ надо зорко присмат-
риваться и энергично бороться противъ
нихъ нужно создать антирелигіозное
искусство». Въ статьѣ объ искусствѣ
юдинъ изъ этихъ Смердяковыхъ утверж-

даетъ, что все искусство до сихъ поръ
было религіознымъ, было «служанкой ре-
лигій» потому, что буржуазіи нуженъ
былъ религіозный дурманъ для трудящих-
ся, и вотъ «буржуазія, создавшая религію,
оплачивала искусство». Боже, Боже! Ра-
фаэль писалъ потому, что у него заказы-
вали буржуи, а вотъ Смердяковъ заказы-
ваетъ антирелигіозное искусство, и «мы
создадимъ безбожныхъ Рафаэлей, Бетхо-
веновъ, Данте». — Но они не появляют-
ся.

Описывая картины извѣстныхъ худож-
никовъ (Рафаэля, Микель-Анджело, Боти-
челли, Васнецова) юдинъ изъ Смердяко-
выхъ пишетъ: «Много вѣковъ перетряхи-
валась эта тема (моленіе о чашѣ и Гол-
гова) съ совершенно ясной классовой
установкой — создать въ головахъ тру-
дящихся «свѣтлый» и «благородный» об-
разъ, который провоцируетъ ихъ на «бла-
городное» служеніе». — «Гнусная сущ-
ность елейно-ядовитаго образа Христа»...

Вы слышите, какъ шипитъ эта змѣя въ
безильной злобѣ? — «Своимъ умомъ до-
шелъ?». — «Нѣтъ, вашимъ руковод-
ствомъ-съ». Это чѣмъ же — Штирнера,
Ницше, И. Карамазова?

На каждомъ шагѣ въ совѣтской Россіи
встрѣчаются эти дѣти блуда и юродства.
Эти люди душатъ Святую Русь, они ду-
шатъ науку, искусство, духъ человѣче-
скій; они хотятъ просто и спокойно жить.

Они не знаютъ Россіи, не понимаютъ
ея народа, ненавистна имъ русская стихія,
хотя ею же и рождены они.

«Русскій народъ — Обломовъ; онъ ни-
чего не создалъ, русской культуры не су-
ществуетъ; все, что создано въ Россіи, —
создано иностранцами или русскими съ
иностранной кровью», — сказалъ Луна-
чарскій.

Въ Россіи смердитъ. Можно ли забыть
объ этомъ?

Николай Мартыновъ.